Александр Дубровский

Камская строка Цветаевой *и* Пастернака

Судьбы Марины Цветаевой и Бориса Пастернака — великих поэтов XX века — причудливо переплетены, и в это биографическое „кружево" заметным узором вписалась камская строка.

Ранней осенью 1916 года на химические заводы Ушкова и К° на Каме приехал молодой, но уже известный поэт, 26-летний Борис Пастернак. Видимо, автобиографическая ссылка на то, что „между службой у Филиппов" (гувернером сына богатого коммерсанта Морица Филиппа. — А.Д.) Пастернак ездил и в Прикамье, способствовала рождению предположения, что в Бондюге Борис служил домашним учителем в семье тогдашнего директора Бондюжского завода Л.Я.Карпова. Но это не совсем так. По воспоминаниям самого Пастернака („Люди и положения"), в конторе химических заводов он вел „военный стол и освобождал целые волости прикрепленных к заводам и работавших на оборону".

В Бондюге поэт „перезимовал". Из скудных автобиографических свидетельств о тех месяцах жизни в Прикамье мы можем сделать скромные наброски о некоторых интересах поэта того времени. В главе 10-й его „Охранной

грамоты" я обнаружил, что главные впечатления Бориса Леонидовича от бондюжского периода связаны с Маяковским и ... пугачевщиной. Вот что он там написал: „Еще естественнее, чем в столицах, разместились мои мысли о нем (В.В.Маяковском. — А.Д.) в зимнем полуазиатском ландшафте „Капитанской дочки" на Урале и в пугачевском Прикамье".

Понятны и естественны размышления о Маяковском, будоражившем, как нам известно, поэтическое восприятие Бориса Пастернака. А вот тема „пугачевского Прикамья" и „ландшафта „Капитанской дочки" весьма любопытна. Думаю, что это пастернаковское восприятие края должно дать толчок более глубоким краеведческим поискам.

Несомненно личное знакомство и даже, может быть, близость Пастернака с Карповым, директором химических заводов, крупным ученым и профессиональным революционером-марксистом. Незаурядная личность Карпова влекла к нему крупных людей, прежде всего ученых-химиков — далекая Бондюга в те годы стала местом временного жительства выдающегося химика, народовольца, автора крамольной брошюры „Царь Голод" А.Н.Баха и Бориса Збарского, другого крупнейшего ученого-биохимика, будущего советского академика.

Кстати, с Борисом Збарским познакомился Борис Пастернак в эти же месяцы. Вот что об этом он написал: „Когда в марте 1917 года на заводах узнали о разразившейся в Петербурге революции, я поехал в Москву. На Ижевском заводе я должен был найти и захватить ранее командированного туда инженера и замечательного человека Збарского, поступить в его распоряжение и следовать с ним дальше". Эти строки позволяют связывать имена Бориса Пастернака и Бориса Збарского с другим городом — Ижевском. 150 километров, разделявших Тихие Горы и Ижевск, поэт преодолел в извозчичьей кибитке, ему запомнилась „бескрайняя снежная пустыня большой замерзшей реки". „На другой день, — пишет Пастернак, — неведомая даль в фабричных трубах... какая-то железная дорога".

ЧТО СОХРАНИЛОСЬ в поэзии Бориса Пастернака из воспоминаний и впечатлений от Прикамья? Честно говоря, краеведами пока обнаружено немного.

Дорогу на восток осенью 1916 года он описал в стихотворении „На пароходе":

...Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред,
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Вероятно, прикамской природе, встрече с языческими ритуальными местами посвящены строки стихотворения „Орешник", написанного в 1917 году:

...О, место свидания малины с грозой,
Где, тучи рогами лишайника тыча,
Горят, одуряя наш мозг молодой,
Лиловые топи угасших язычеств.

Вновь вернулся в эти края Б.Л.Пастернак в 1941 году. Эвакуированная на Нижнюю Каму, в город Чистополь, большая группа деятелей советской литературы включала и Пастернака. Как пишет Г.Муханов в своей замечательной работе-исследовании „Чистопольские страницы", жизнь поэту зимой 1941-1942 годов „давалась трудно, но он был терпелив и просто выносливо и скромен. В те суровые дни поэт писал стихи и статьи о войне, занимался переводами шекспировских трагедий".

Поэт написал в 1942 году, что когда-то, вспоминая страница за страницей свою жизнь, он в памяти „городок на Каме" обнаружил:

... Я с палубы увижу огоньки,
И даль в снегу, и отмели под сплавом,
И домики на берегу реки,
Задумавшиеся перед рекоставом...

А на пути между Чистополем и Бондюгой (ныне Менделеевск) есть еще один прикамский город, который привелось узнать поэту. Это — Елабуга. Если Бондюга, как определил он сам, это тема „Пастернак и Маяковский", то Елабуга — трагедия под именем „Пастернак и Цветаева". Сам поэт сказал об этом так: „Судьба Цветаевой должна была стать моим большим горем".

ОБ ИСТОРИИ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ могли рассказать двести с лишним писем, написанных друг другу. Но связка писем Марины Борису была потеряна сотрудницей музея им. Скрябина в годы войны в вагоне электрички. И трудно надеяться на то, что мы когда-то узнаем об их содержании. Борис Леонидович писал: „Я долго недооценивал Цветаеву. В нее надо было вжиться". Но позже он посвятит ей поэму „Лейтенант Шмидт", многие стихи. И скажет: „Я должен был бы посвятить этому (своим отношениям с М.Цветаевой. — А.Д.) целую книгу, так много пережито было тогда совместного и менявшегося, радостного, трагического, всегда неожиданного и всегда, от раза к разу, обоюдно расширявшего кругозор".

О трагической смерти Цветаевой в Елабуге Пастернак узнал не сразу. В его стихотворении на смерть Цветаевой больно звучат строки:

Что сделать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

Вероятно, зимой 1942 года он посетил Елабугу, был на могиле Цветаевой. Об этом и написал:

... Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
Где зимуют баркасы во льду.